ВАРШАВСКОЕ ВОССТАНИЕ ГЛАЗАМИ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЕГО ПОДРОСТКА

Юлиан Кульский (Julian E. Kulski – на фото слева), сын мэра Варшавы, принял участие в Варшавском восстании против немецких оккупантов в августе-сентябре 1944 г. Ему посчастливилось выжить во многих боях и в немецком концлагере…

Четверг, 3 августа, после полудня

После полудня разверзся ад. Артиллерия, танки, тяжелые минометы обрушили огонь на наши позиции. Время от времени вдоль по соседней или нашей улице проезжал *Тигр*, иногда так близко к зданию, что почти касался стен. Земля дрожала от мощных взрывов, и мы довольно отчетливо слышали голоса наступающих немцев. Вскоре мы оказались посреди волны атакующих немецких пехотинцев и танков в безнадежной ситуации. На помощь надеяться не приходилось, так как мы были полностью отрезаны от своей роты. Корвин (Korwin – *повстанцы знали друг друга по кличкам – ВК*) нашел небольшую дверь за шкафчиком, которая вела в крохотный чулан под лестницей. Он приказал нам забраться в него, что мы и сделали, задвинув за собой шкафчик. Помещение было крохотным, в высоту оно едва достигало среднего человеческого роста. Мы сидели так плотно, что голова одного человека упиралась в спину другого, и задыхались от недостатка свежего воздуха. Тем временем бои продолжались, и нам были слышны голоса немцев с улицы. Через шесть часов голоса немцев стихли, и мы смогли выбраться наружу. Никто из нас не забудет эти шесть часов…

Суббота, 5 августа

Два отряда из нашего взвода были посланы на еще не полностью построенную баррикаду на улице Словацкой (Slowacki). Мы отбили три атаки противника, бросая гранаты и стреляя по врагу из наших пулеметов, автоматов *Стен* и винтовок. Немцы в этих атаках потеряли 18 человек убитыми, у нас было только двое раненых.

Немцы атаковали Старый Город, используя авиацию, танки пехоту и всю имеющуюся у них артиллерию. Из Золиборжа (Zoliborz) были видны клубы дыма, поднимающегося над Старым Городом, и слышны разрывы бомб и снарядов. Каждый час *Штуки* пролетали над Золиборжем со стороны аэродрома Беляны (Bielany), сбрасывая бомбы на город и возвращаясь, чтобы вновь атаковать наших. Это было настоящим побоищем: у наших на весь восставший город не было ни одного зенитного орудия.

По Золиборжу ходят слухи, что противник пытается пробиться из Западной части Варшавы через центр, который удерживает Армия Крайова, и далее через реку в восточный пригород – Прагу. Причина для этого была очевидной: немецкие войска, сражающиеся с Красной Армией на другом берегу реки, потеряли важную линию снабжения, которую перерезали мы. Если эта линия не будет восстановлена, долго они продержаться не смогут. Вот почему они бросили свои основные силы против повстанцев, преградившим им дорогу. Мы услышали о том, что бригада украинцев, собранная немцами из числа советских военнопленных, соблазненных доступом к еде, водке и чужому добру, сражается на стороне противника (*польские повстанцы в своих воспоминаниях часто называют «украинцами» солдат воевавшей на стороне немцев бригады Б. Каминского – ВК*)

Наиболее мощные атаки пришлись на самый западный пригород – Воля (Wola), сообщают, что немцы и украинцы не оставляют никого в живых позади себя. Пленных не берут, мужчин, женщин и детей, попадающих им на глаза, убивают на месте. Свидетели говорят, что весь персонал госпиталя Св. Лазаря был уничтожен. Детей хватали за ноги и разбивали им головы о стены, женщин насиловали перед тем, как расстрелять. Сотни гражданских немцы гнали впереди своих

танков, атакующих баррикады. Повстанцы не могли заставить себя стрелять, и в чем-то успех наступающих был связан с подобной тактикой…

Солдаты РОНА на фоне результатов своих боевых «усилий» (http://www.forum.bg-nacionalisti.org/index.php?topic=5245.30)

Суббота, 5 августа, вечер

Поздним вечером наш взвод получил приказ занять позиции в здании Пожарной Бригады. Это была рискованная позиция, так как она находилась впереди нашей линии обороны и была окружена немцами. Но немцы не ждали от нас попыток пробраться в это здание, и мы проползли туда под покровом ночи…

Воскресенье, 6 августа, утро

Утро прошло довольно мирно, и только к 11 наш наблюдатель доложил, что противник продвигается в сторону района Беляны. Мы заняли наши позиции у окон и только разместили наши три легких пулемета, как увидели немецкий грузовик, движущийся вдоль Словацкой улицы. Когда грузовик оказался метрах в 225 от нашего здания, мы открыли огонь. К сожалению, наш огонь был неточным – немцы быстро развернули грузовик и убрались на полной скорости. Мы были вне себя и злились на самих себя: мы открыли немцам свое местоположение.

Ночью Шайер (Szajer) отправил небольшую группу наших в медицинский центр на противоположной стороне улицы. Этот дом имел для нас стратегическое значение: если немцы атакуют нас, они окажутся под перекрестным огнем с двух сторон.

Воскресенье, 6 августа, после полудня

Около полудня скорострельная полевая пушка появилась в поле зрения со стороны Белян и, разместившись метрах в 350 от нас, открыла огонь по зданию. Было очевидно, что ее расчет получил задание удостовериться в том, что в здании до сих пор находится противник. Постреляв с полчаса, немцы укатили пушку, по всей видимости, решив, что в здании пусто, так как никто так и не открыл по ним огонь. Однако несколько минут спустя на здание обрушились тяжелые снаряды. Наш лейтенант приказал всем оставаться на своих позициях, но многие получили ранения. Один из снарядов ударил в стену и разорвался прямо над головой у Шайера, засыпав его крпичами. Я

было подумал, что ему конец, но спустя несколько минут он поднялся из-под обломков и подошел к нам. Это было просто чудо, так как он отделался только синяками…

Около 2-х часов немцы, заметив, что мы весь день не подаем признаков жизни, стали продвигаться вперед, и вскоре мы услышали голоса их офицеров, отдающих команды. Мы догадались, что они собираются атаковать баррикаду, находящуюся в 275 метрах за нашими позициями. В поле зрения было около 350 немцев, готовящихся к атаке. В нашем взводе было всего лишь около 40 человек, но мы намеревались сражаться до конца. Немцы продвинулись мимо нашего задния и пошли в атаку на баррикаду. Однако уже вскоре, под огнем из соседних зданий, они начали отступать. И тут прозвучал приказ открыть огонь. Мы обрушили на противника шквал свинца – немцы были захвачены врасплох. Затем в бой вступил отряд, находящийся напротив нас в медицинском центре. Никто не жалел патронов – мы стреляли по эсэсовцам, ответственным за убийства в Гетто, за казни, за облавы на улицах…

Оступающий противник вышел из-под огня и выкатил вперед скорострельную пушку и тяжелый пулемет. Нам показалось, что они хотели лишить нас возможности подобрать оружие своих убитых товарищей. Так или иначе, вооружены мы были плохо, некоторые вообще были безоружны, так что соблазн был слишком велик…

Некоторые из нас, в том числе и я, выползли на середину улицы и оказались посреди рвущихся снарядов. Лонгинус (Longinus) заметил автомат рядом с убитым эсэсовцем, подобрал его и умудрился вернуться в здание невредимым. Меня прижимал к асфальту пулеметный огонь, но я сумел подобрать автоматическую винтовку и вернуться в изодранной осколками в клочья одежде. Ночью мы подобрали двадцать винтовок, два автомата и пулемет. Трое эсэсовцев были взяты в плен. Напротив здания валялись четыре трупа, еще один лежал прямо перед нашими позициями. Под покровом темноты мы вытащили трупы с улицы на веревках, чтобы забрать у убитых оружие и боеприпасы. На мне разваливались башмаки, и снял их с одного из убитых. Они оказались мне впору …

Трофейное немецкое оружие, использованное повстанцами. Фото автора из музея Варшавского Восстания (2012)

Среда, 16 августа

После 10 дней непрерывных боев нашу роту отвели в тыл на отдых. В одном из домов, который еще не бомбили и не обстреливали, я впервые почти за целый месяц спал в обычной постели и ел что-то съедобное. Напряжение последних недель, усталость и голод сделали свое дело, и меня стала мучать лихорадка…

Вторник, 22 августа

В два часа ночи прозвучал приказ идти в атаку. Мы побежали через улицу, но еще до того, как нам удалось пересечь ее, в небо взметнулись сотни осветительных ракет. Красные звезды повисли в небе, и очереди трассирующих пуль прижали нас к мостовой. Когда пулеметчики нашей роты открыли ответный огонь, противник сосредоточил свои усилия на них и быстро вынудил их замолчать. Крики раненых были слышны сквозь пулеметные очереди и разрывы снарядов. Пришел приказ к отходу, и те, кто мог, начали отступать, оставив на поле боя более 300 убитых и раненых. Короткое сражение было проиграно…

Воскресенье, 3 сентября

… Прага – пригород Варшавы, расположенный на другом берегу Вислы, захвачен Красной Армией. Поизиции русских теперь можно видеть в бинокль.

Понедельник, 4 сентября

Сегодня мы сражаемся на ничейной территории, в пригороде Маримонт (Marymont). Рано утром группа пьяных украинских эсэсовцев атаковала наши позиции. Незадолго до атаки мы слышали, как они наигрывали на балалайках и плясали «казачка». Еще они палили в воздух трассирующими пулями. До нас доходили слухи, что он и насилуют всех женщин, которые попадаются им на пути... Они шли в атаку, шатаясь и изрыгая ругательства. Когда они приблизились к нам, мы открыли убийственный огонь, и они откатились назад, оставив за собой около тридцати трупов… Вскоре после этого немецкое командование прислало к нам двоих гражданских для встречи с майором Зубром (Zubr). Немцы потребовали, чтобы им разрешили подобрать своих убитых и при этом заявили, что в случае отказа расстреляют десятерых поляков за каждого убитого украинца. Чтобы остановить массовое убийство, мы согласились с их требованиями, так как знали, что это вовсе не пустая угроза.

Понедельник, 11 сентября

Несколько последних дней были относительно спокойными. Золиборж по-прежнему под огнем тяжелой артиллерии, но *Штуки* не бомбят город, потому что мощные зенитные орудия русских, расположенные за рекой, могут без труда сбивать их.

Четверг, 14 сентября

До нас дошли новости: Прага все еще удерживается частями Красной Армии, а немцы настойчиво пытаются заблокировать или взорвать все мосты через Вислу. Наша позиция привлекла внимание противника, и вскоре наш наблюдательный пункт оказался под огнем тяжелых орудий. В полдень наш пост был атакован *Штукой*, которая стреляла из пулеметов прямо по мне. Она была так близко, что я мог разглядеть лицо пилота… Штука взмыла вверх и улетела, и наступившая тишина потрясла меня сильнее грохота взрывов.

Пятница, 15 сентября

У нас появились сомнения в результативности наших усилий. Теперь артобстрелы прекращаются только на ночь за исключением моментов, когда немцы стреляют по советским самолетам. Их самолеты летают над нашими позициями и сбрасывают нам продукты и оружие – все без

парашютов, вследствие чего три четверти всего этого разбивается и становится бесполезным. Однако даже этот остаток дает нам возможность выживать и продолжать сражаться. Это вполне соответствует целям Советов и годится для советской пропаганды.

Оружие советского и американского производства, использованное повстанцами. Фото автора из музея Варшавского Восстания (2012)

Суббота, 16 сентября

В полдень я внимательно рассматривал в бинокль передний край и увидел менее чем в сотне метров от себя пару вражеских солдат, которые тащили за собой чье-то тело в сторону яблоневого дерева. Я разглядел, что это были украинские эсэсовцы, а тело принадлежало молодой девушке, мертвой или полумертвой. Они уложили ее на траву и раздвинули ей ноги. Один из них махнул рукой, и еще четверо солдат появились из-за деревьев. Солдаты окружили ее, и двое начали снимать брюки. Один из украинцев взгромоздился на тело девушки, другие смотрели на это. Девушка не оказывала сопротивления. Когда первый закончил свое дело, ноги девушки безжизненно упали – она была мертва… У нас был приказ не стрелять, пока противник не ворвется в занимаемое нами помещение. Но тут прозвучал выстрел, и украинец упал на тело девушки. Остальные бросились бежать в сторону своих позиций…

Понедельник, 25 сентября

Наконец-то нас сменил другой взвод нашей роты. Нас отправили на площадь Уилсона, чтобы мы могли там немного отдохнуть. Тут меня свалила приступ лихорадки.

Вторник, 26 сентября

Во время затишья я поплелся по какой-то улице в полевой госпиталь, где доктор осмотрел меня и приказал отправляться домой, где я сразу улегся в постель.

Среда, 27 сентября

Лихорадка не оставляет меня в покое. Я в депрессии, потому что мои друзья сражаются, а я без посторонней помощи даже не могу встать. Боли в животе, груди и головные боли полностью сломали меня.

Четверг, 28 сентября

Рано утром немцы предприняли мощную атаку со стороны вокзала Варшава-Гданьск. В 9 утра они захватили школу Князя Понятовского с помощью *Голиафов* (*нагруженные взрывчаткой дистанционно управляемые танкетки – ВК*). Наш дом было отделен от этой школы проспектом Польской Армии и двумя другими домами, так что я видел из окна своей спальни, как рушится здание школы…

В полдень я и мой отец выбрались из дома и по ходу сообщения, под артиллерийским огнем, добрались до площади Вильсона, где я распрощался с отцом. Я вышел к зданию, где находился штаб нашей роты, и увидел страшную сцену: повсюду были трупы женщин и детей в воронках от бомб. Даже с балконов свисали трупы. После поисков в развалинах, я нашел одну из наших медсестер, которая отвела меня в подвал, где находились раненые. Я просидел весь день в этом подвале под непрерывным артиллерийским огнем.

Пятница, 29 сентября

Немцы быстро продвигаются вперед. Из окна мы видим, как их танки катятся вдоль бульвара. Затем, заняв позиции напротив нашего здания, они начинают методично разрушать его. Мы решаем покинуть здание под покровом ночи и найти свою роту. Когда мы выползали из подвала, я заметил, что стало не так холодно – весь Золиборж был в огне, и пламя пожаров освещало улицы и прогревало воздух.

В это время части Красной Армии мирно стояли в ожидании в Праге, на противоположном берегу Вислы, каждый день обещая помощь и призывая продолжать борьбу. Ни одна из их рот так и не форсировала реку… Затем немцы атаковали нас танками и *Голиафами*. Связь между нашими частями прервалась, и все отряды остались сражаться сами по себе. К полудню немцы прорвались вглубь южной части Золиборжа. В тот же вечер мы услышали, что генерал Бур-Коморовский уведомил Лондон о том, что наша ситуация безнадежна, если не будет доставлено большое количество оружия.

Ночью я присоединился к своим друзьям, отбивавшим атаки противника. Я стоял у окна подвального бункера и был так слаб, что еле держался на ногах, но продолжал время от времени стрелять и подниматься по лестнице, чтобы бросить гранату в атакующих немцев.

Повстанцы в бою (http://polishgreatness.blogspot.com.au/2011/08/warsaw-uprising-1944-august-19-massive.html)

Суббота, 30 сентября, после полудня

… Мы надеялись продержаться до ночи, а затем прорваться к реке, где нас, предположительно, должны были ожидать лодки русских. Танки продолжали разрушать здание, и я получил приказ стрелять по ним из моего ПИАТа (*PIAT – противотанковый гранатомет британского производства*). Я был настолько слаб, что едва мог поднять его. Лихорадка настолько истощила меня, что я падал после каждых нескольких шагов….

Я занял позицию в развлинах напротив танка *Тигр*. Мой первый выстрел разбил его гусеницу и остановил машину. Зате я увидел, как его огромная пушка медленно поворачивается и, в итоге, нацеливается на меня. Я знал, что теперь просто должен уничтожить его. Второй выстрел пробил его броню, и из башни вырвалось пламя. Открылся люк, и одетый в черное танкист начал выбираться из танка. Его срезала пулеметная очередь. Еще один был убит, пытаясь выкарабкаться. Он свалился обратно, захлопнув люк – больше никто из них не пытался спастись. Когда мы пробирались сквозь развалины, я попал из своего ПИАТа еще в несколько танков, но, в конце концов, ослаб настолько, что уже не мог нажимать на курок и упал без сил.

Я сидел на ступеньках лестницы рядом со своим товарищами. Ситуация была безнадежной, и мы должны были приготовиться к смерти или к плену…

Суббота, 30 сентября, вечер

Пришла новость, короткая как молния: «Капитуляция!» Это слово вызвало шквал ругани: «Вранье! Невозможно!» Однако всем ротам было приказано построиться, что мы и сделали, все еще не веря в случившееся. Лейтенант Шелига (Szeliga) достал из нагрудного кармана листок бумаги с приказом нашего полковника:

Солдаты!

Благодарю вас, мои дорогие товарищи, за все, что вы сделали за эти два месяца боев против нашего врага, за ваши усилия, за вашу боль, за вашу храбрость. Я горжусь тем, что мне выпала честь командовать такими солдатами. Оставайтесь такими и в будущем и покажите всему миру, что такое – польский солдат, готовый пожертвовать всем для своей страны… Мы сдаемся Вермахту как солдаты регулярной армии, и с нами будут обращаться согласно Женевской Конвенции.

Благодарю вас еще раз! Да пребудет с вами Господь!

Суббота, 30 сентября, полночь

Мы прошли свой последний марш с винтовками на плечах. Мы хотели напомнить немцам, с кем они сражались последние два месяца… Волна ужаса накатила на меня, когда я увидел лица и форму ненавидимого мною врага столь близко. Немцы окружили нас, отобрали у нас пистолеты, бинокли и все остальное. Затем наш рота промаршировала мимо танков и вышла на середину площади Вильсона, освещенную огнем пожаров. Здесь мы сложили остальное оружие.

Понедельник, 2 октября

В полдень грузовик отвезли нас в лагерь Прушков (Pruszkow) неподалеку от Варшавы. Моя лихорадка усилилась, меня мучал кашель. Я уже не мог двигаться и безо всякого стыда молился о том, чтобы все поскорее закончилось для меня, но этого не произошло – все только начиналось…

Четверг, 5 октября

Этим утром еще несколько наших подразделений были привезены в Прушков из центра города. Похоже, капитуляция завершилась. Эти парни привезли с собой несколько последних военных бюллетеней Армии Крайовой, и один из наших офицеров прочел его мне:

Сражение закончилось… но это поражение – поражение в бою только за один город, только на этом этапе нашей борьбы. Это – не победа над нашей нацией, над нашими планами, над нашими историческими идеалами. Из пролитой крови, из тягот, из страданий наших душ и тел поднимется новая Польша – свободная, сильная и великая…

http://www.warsawuprising.com/witness/kulski.htm

Сокращенный перевод и обработка – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org